

ПРЕДИСЛОВИЕ

Друг мой! Друг мой!
Не пытайся достоверно изобразить нас.
Лучше говори, слегка преувеличивая.

Джером К. Джером

Тихие московские улочки — предмет гордости и восторга москвичей. Одна из них — улица Станкевича, небольшая кривая, вернее, изгибающаяся, соединяющая Моссовет и консерваторию. Ближе к консерватории, возвышаясь над вековыми деревьями, устремляется в небо прямой, как свеча, аскетический англиканский собор. У его подножия расположился домик пастора. На самом деле это солидный трехэтажный дом, но рядом с уходящим в небеса собором он кажется маленьким и круглым. Здесь находилась Всесоюзная студия грамзаписи фирмы «Мелодия». И именно сюда меня привела судьба, когда после трехлетней отработки по распределению по окончании филологического факультета МГУ я искала работу.

Всесоюзная студия грамзаписи — это, прежде всего, ее директор Борис Давыдович Владимирский, человек уникальный, неповторимый, неординарный. Уникальность его как директора заключалась, главным образом, в том, что он был не аппаратчик, не чиновник от партии, каковыми были практически все директора крупных идеологических учреждений. Это был Интеллигент с большой буквы, прекрасный музыкант, друг Прокофьева, Шостаковича и Ойстраха. Это был мудрец, но не строгий, аскетический, а добрый, всё понимающий. Никогда не забуду, как я волновалась, когда по внутреннему телефону меня вызывали к директору. Как все сотрудники в такой ситуации, я сразу пыталась вспомнить, что я натворила, что сделала не так, с кем из знаменитостей разговаривала неподобающим образом. Когда я входила в прекрасную овальную комнату с камином —

кабинет директора, он играл на рояле что-то из Прокофьева или Шопена и, кивнув мне на стул, продолжал играть в течение получаса, а то и дольше. Сначала я сидела, как на иголках, потом музыка захватывала меня. Закончив играть, он еще несколько минут сидел у рояля, потом переходил к своему массивному письменному столу и говорил: «Иди, работай». Так было много-много раз. Я ничего не понимала и каждый раз волновалась, когда меня вновь вызывали к директору. И только спустя время я поняла, что этот мудрый старик так меня воспитывал, не говоря ни слова, только музыкой!

Но это было потом, а пока я робко вошла в уютный кабинет и, стараясь не заикаться, отвечала на все вопросы. Выяснив, что я все еще работаю старшим редактором в редакционно-издательском отделе, Борис Давыдович снисходительно, но, мягко улыбнувшись, спросил:

— Вы нам дадите недельку подумать?

— Нет, что Вы! Это долго, максимум два дня, — безапелляционно ответила я.

— Ну что ж, приходите через два дня.

Молодость великолепна! Что это — святая простота или просто глупость? Я выпалила, не задумываясь. Но, возможно, именно это ему и понравилось, и, так или иначе, через два дня я стала ответственным редактором фирмы «Мелодия» сначала по детским грампластинкам, а потом еще и по литературно-драматической грамзаписи. На дворе стоял 1972 год, мне стукнуло 26, и вся жизнь у меня была впереди.

Все мои коллеги — ответственные редакторы по симфонической музыке, опере, эстраде — были старше меня на 18–20 лет. У всех в глазах был один и тот же невысказанный вопрос — откуда я взялась, по какому такому благу я попала на столь высокую должность. Блата никакого не было, хотя мне помог Владимир Дмитриевич Рыжиков, который, во-первых, рассказал мне о «Мелодии» и, во-вторых, попросил секретаря Бориса Давыдовича уговорить его принять меня на 5 минут. И это, безусловно, немало. Я никогда этого не забуду и навсегда останусь ему благодарна за это.

С того дня студия стала моим вторым домом. Там и вправду все было по-домашнему. Это шло от Бориса Давыдовича, от его постоянной доброжелательности, от его чудного, родного всем голоса (несмотря на то что работа начиналась строго в половине девятого утра, журнал прихода и ухода, в котором расписывались сотрудники, вёлся неукоснительно, и от него очень зависела премия).

Много раз наедине Борис Давыдович уговаривал меня вступить в партию. Я делала вид, что не понимала его, и переводила разговор на другое. Но однажды, вызвав меня, директор без предупреждения грозно стукнул кулаком по столу и спросил:

— Ты вступишь в партию или нет?

Я выпрямилась и, как Зоя Космодемьянская, глядя прямо ему в глаза, ответила:

— В вашу партию — никогда!

Измученный Борис Давыдович долго смотрел на меня, а потом как-то сник и обессиленным голосом сказал:

— Дурочка, меня скоро не будет. Кто же тебя защитит?!

Никогда не забуду наши летучки по понедельникам. В кабинете директора вокруг камина собираются ответственные редакторы. Борис Давыдович разбирает все достижения и промахи прошедшей недели, спокойно журчит его голос, а за окном еще не совсем светло и тихо падает снег. Так было до самой смерти Бориса Давыдовича. Потом, конечно, все резко поменялось, и эта идиллия осталась только в памяти.

Как только мы выходили от директора, картина мгновенно менялась — все сразу становилось невероятно активными и буквально разбегались по своим делам. Первой всегда занимала телефон оперный редактор Ирина Владимировна Орлова, про которую наш главный редактор Сергей Владимирович Федоровцев говорил, что она лжёт даже тогда, когда говорит правду, во всяком случае, ему. Ирина Владимировна в этот момент напоминала солисту Большого театра Евгению Нестеренко о записи. Над ней в ожидании телефона стояла всегда озабоченная Инна Сергеевна Чумакова, симфонический редактор, постоянно повторяя, что Светланов ждет ее звонка. Владимир Дмитриевич Рыжиков и Анна Николаевна Качалина, эстрадные редакторы,

уже спешили к Нине Ивановне Малаксиано, которая составляла расписание записей, и от которой поэтому многое зависело: кому достанется лучшее студийное время. В крошечном кабинетике, где располагались Нина Ивановна и Клавдий Клавдиевич, заместитель главного редактора, было тесно. Там уже находились «ранние пташки» — подопечные Рыжикова и Качалиной: молодой Юрий Антонов, всегда улыбающийся Евгений Мартынов и стройный Вячеслав Добрынин, совершенно не похожий на себя нынешнего. Марья Сергеевна Акатова, строгая и одновременно домашняя, и Светлана Еремова, крупная, полная и вальяжная — редакторы по учебной грамзаписи — уже терпеливо выслушивали своих первых посетителей.

Я отправляюсь звонить в комнату редакторов этикеток, потому что наш телефон занят навсегда. Но не тут-то было, так как всегда печально мудрая Карина Симонян, редактор по национальным записям, уже звонит в Грузию, а на нее кричит, требуя телефон, импульсивный Геннадий Ковалевский, редактор по реставрационным записям, потому что его заслуженные старики тоже долго ждать не могут. Я растерянно стою посреди комнаты, и ко мне подходит наш уникал, немыслимая Анастасия Степановна, старейший редактор по этикеткам. Если остальные коллеги были старше меня примерно на 20 лет, то Анастасия Степановна — почти на 60: ей было 83 года, и она всё еще работала. Зная, что я из Одессы, она стала с удовольствием мне рассказывать, как побывала там в 1914 году! Представляете — в 1914 году! Для меня это, естественно, было до нашей эры, но я навсегда запомнила ее рассказ, в котором все были в белом — и дамы, и кавалеры, и дети. И только море и небо были голубые.

В коридоре я столкнулась со скачущим и хохочущим огромным Вадимом, редактором аннотаций, которые печатаются на обложках грампластинок. В эссе знаменитого писателя Вадим нашел очередной ляп. Его вышла угомонить Нина Михайловна Бриль, тоже редактор аннотаций, но успокаивала его она всегда очень громко. А по лестнице к ней поднимался юный и кудрявый Андрей Макаревич, которому она помогала с его первой пластинкой.

А в церкви, в большой и малой студиях и многочисленных аппаратных, звукорежиссеры, звукооператоры, инженеры и техники всю работу над музыкой, голосом, словом — над будущими пластинками. По винтовой лестнице из башенки, в которой находилась наша фонотека, с огромными рулонами пленки в руках спускалась Зиночка, многолетняя хранительница наших и других записей. А в самом низу, в подвале, Юрий Евгеньевич Пароль, начальник цеха и парторг, вместе с ведущими радиоинженерами работал над цифровой записью (до которой было еще ой как далеко!). Однако главным человеком в этой армии людей разных профессий был редактор, поэтому он и назывался ответственным. Обычный рабочий день начался.

В этом милом мне мире я прожила почти 10 лет и выпустила 1000 (наименований) пластинок. Несмотря на то что на телевидении я проработала (и тоже довольно удачно и с большим интересом) около 20 лет, эта книга написана о «Мелодии» и посвящена ей. Она у меня — как первая любовь, моя «Мелодия». И этой любви, безусловно, сильно поспособствовал старый человек, не очень здоровый и не очень подвижный, но очень обаятельный, добрый и мудрый Борис Давыдович Владимирский.